

DOI: 10.31857/S013038640009738-9

© 2021 г. И.М. ЭРЛИХСОН

«РАДИ ОБЩЕГО БЛАГА»: ИДЕЙНО-КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ БРИТАНСКОЙ ПОЛИЦИИ

Эрлихсон Ирина Мариковна — профессор Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина (Рязань, Россия).

E-mail: i.erlihson@365.rsu.edu.ru

Researcher ID: AAE-9499-2021

Аннотация. Автор обращается к проблеме властных отношений в эпоху реформирования уголовного правосудия в Великобритании XVIII в. В указанный период система противодействия преступности включала различные силы и подразделения, чья деятельность финансировалась крайне неравномерно из частных и государственных источников. Это обстоятельство вкупе с критическим настроем различных слоев британского общества относительно использования милитаризованных сил для поддержания гражданского порядка снижало эффективность правоохранительных механизмов и соответственно приводило к беспрецедентному росту преступности, ставшему популярным направлением общественного дискурса.

Предметом анализа является малоизученный трактат Генри Филдинга «Исследование причин участвовавших в преступлениях...» (1751 г.), написанный выдающимся драматургом и романистом, занимавшим должность мирового судьи Вестминстера и Мидлсекса. Уникальность положения Г. Филдинга заключалась в том, что богатый опыт работы в области политической журналистики и юриспруденции позволил ему не просто бороться с лондонской преступностью, а разрабатывать идейно-концептуальные основы британской правоохранительной практики.

В трактате содержались не только критика современных Филдингу уголовно-правовых механизмов и системы судопроизводства (возбуждение обвинения за счет пострадавшей стороны, произвольность выносимых приговоров, практика королевского помилования), но и концептуально-теоретические положения, обосновывающие необходимость и задающие направления будущего кардинального реформирования уголовной юстиции. Оставаясь на идеологической платформе неореспубликанизма, Г. Филдинг полагал, что именно государство является гарантом гражданского правопорядка, и аргументировал необходимость создания официальной государственной структуры, обладающей монополией на осуществление функций по контролю за преступностью.

Ключевые слова: Г. Филдинг, Великобритания, XVIII в., преступность, свобода, безопасность, неореспубликанизм.

I.M. Erlihson**“For the Public Utility”: the Ideological and Conceptual Foundations of the British Police***Irina Erlihson, Ryazan State University named for S.A. Yesenin (Ryazan, Russia).**E-mail: i.erlihson@365.rsu.edu.ru**Researcher ID: AAE-9499-2021*

Abstract. The author addresses the problem of power relations in the era of criminal justice reform, presented in historical narratives, taking into account the socio-cultural context and realities of eighteenth-century Great Britain. In the 18th century, the British system of crime control consisted of a large number of actors financed extremely unevenly from private and public sources. This fact, coupled with the British society's critical attitude to the use of militarized forces to maintain civil law and order, reduced the effectiveness of law enforcement mechanisms and led to an unprecedented increase in crime, being a popular area of public discourse.

The subject of analysis is Henry Fielding's little known treatise “An Enquiry into the causes of the late increase of robberies.” (1751), written by an outstanding playwright and novelist when he served as justice of the peace of Westminster and Middlesex districts. The uniqueness of H. Fielding's position is that his rich experience in the field of political journalism and jurisprudence allowed him not only to fight London crime but to develop the ideological and conceptual foundations of British law enforcement practice.

The treatise contained not only a criticism of the modern criminal law mechanisms and the judicial system (prosecution at the expense of the injured party, arbitrariness of sentences, practice of royal pardon) but also conceptual and theoretical provisions substantiating the need and setting directions for the future radical reform of criminal justice. Remaining on the ideological platform of neo-republicanism, H. Fielding believed that it was the state who had to guarantee civil law and order. He also argued the necessity of a state official structure with a monopoly to implement crime control functions.

Keywords: H. Fielding, Great Britain, 18th century, crime, liberty, security, neo-republicanism.

В XVIII в. сложившаяся система противодействия преступности уже не удовлетворяла новым социальным условиям, которые диктовали поиск новых форм контроля и необходимость возникновения принципиально новой системы правопорядка. Отечественный исследователь проблемы А.Л. Гуринская полагает, что уже в период раннего средневековья сложилась система противодействия преступности, которая начала меняться с середины XVIII в., отделившись от локальных сообществ и перейдя в зону ответственности государства¹. В Великобритании становление полиции как профессионального института сопровождалось трудностями, что во многом было обусловлено спецификой английского менталитета. Ле Блан, один из первых ученых, занимавшихся сравнительной аналитикой, писал, что «англичанин скорее согласится быть ограбленным на большой дороге, чем допустить вероятность вторжения в частное пространство правительственных агентов»².

Гипотетически функции поддержания правопорядка могли бы быть поручены милиции. По закону 1181 г. каждый англичанин от 16 до 60 лет обязан был содержать

¹ Гуринская А.Л. Полицейская деятельность в Великобритании до создания полиции: ранее средневековые – XVIII век // Вестник Орловского государственного университета. Серия: новые гуманитарные исследования. 2015. № 6 (47). С. 15.

² Цит. по: *McFlynn F.* Crime and punishment in 18th century England. Routledge, 1989. P. 17.

вооружение, стоимость которого варьировалась в зависимости от принадлежности к одной из пяти категорий, связанных с имущественным цензом, и должен был являться по призыву в случае военной опасности. Благодаря серьезному реформированию в эпоху правления последних Стюартов милиция стала постоянным институтом в рамках окружного правления. В частности, законодательный билль 1662 г.³ предоставлял лейтенантам право содержать часть милиционной армии на постоянной основе для поддержания порядка на местном уровне, что позволяло приводить солдат в состояние полной боевой готовности, если обстоятельства требовали противостоять мятежу или подстрекательству к оному.

В конце XVII в. милиция фактически утратила военную роль, что несколько компенсировалось ростом ее политической роли в управлении графствами. Р. Таннер связывал ослабление милиции в эпоху Реставрации с заменой ее на профессиональную армию, хотя слово «замена», на наш взгляд, не совсем корректно, учитывая их параллельное существование и дублирование отдельных функций охраны правопорядка: «После Реставрации лейтенанты и местная милиция стали главным оплотом обороны и обеспечения безопасности в провинции, тем не менее за сохранявшимися регулярными войсками оставалась важная функция охраны общественного порядка. Правительство... не полагалось на армейских офицеров и солдат регулярной армии при осуществлении полицейских функций и охране населенных пунктов. Оно организовало вовлечение местных жителей в организацию их собственной обороны и обеспечение безопасности, сохраняя за собой общее руководство»⁴. Учитывая, что «в Англии постоянная регулярная армия не имела глубоких традиций, население относилось с болезненным подозрением к любым попыткам своих монархов решить проблему ее отсутствия»⁵, идея военного вмешательства в гражданские дела не пользовалась популярностью, а скорее наоборот, в силу разных причин. Во-первых, несмотря на то, что в правление Якова II вооруженные силы были более равномерно распределены по стране, быстрое реагирование оставалось проблематичным и часто войска прибывали на место назначения спустя несколько дней после начала волнений, что снижало эффективность их действий. Во-вторых, присутствие профессиональных военных было дискомфортно для местного населения, поскольку жители обязаны были предоставлять им свои дома для постоя. Положение, по которому размещение солдат могло производиться только с согласия домовладельцев, на практике часто нарушалось, что приводило к многочисленным конфликтам. И, наконец, многие офицеры считали ниже своего достоинства подавлять гражданские беспорядки в мирное время.

Крупный историк-криминолог Фрэнк МакФлинн в авторитетном исследовании «Преступление и наказание в Англии XVIII века» убежден, что в начале XVIII столетия единственная постоянная система отправления уголовного правосудия на местном уровне покоилась на плечах мировых судей и приходских констеблей. Фактически обязанности, выполняемые мировыми судьями, можно условно разделить на судебные и административные. В первую группу входили первоначальное следствие по всем проступкам, попадавшим в категорию «фелония» (felony) и «мисдеминоры» (misdemeanor), – сокращенное судопроизводство без присяжных по уголовным делам по преступлениям, за которые полагались штрафы и заключение сроком до трех месяцев, судебно-полицейское разбирательство в области трудовых отношений найма; а во вторую – взимание комитатских податей, выдача различного рода дозвоительных

³ An Act for ordering the Forces in the several Counties of this Kingdom. 1662. 14 Car. II. P. 3. URL: <https://www.british-history.ac.uk/statutes-realm/vol5/pp358-364> (дата обращения: 16.02.2020).

⁴ Сарапкина Е.Н. Законодательное регулирование деятельности милиции в Англии в середине XVII века // Вестник Академии экономической безопасности МВД России. 2010. № 4. С. 112.

⁵ Станков К.Н. Военные реформы английского короля Якова II Стюарта // Вести Волгоградского государственного университета. Серия 4: история. 2010. № 1. С. 104.

свидетельств и надзор за правильным действием различных частей окружного и приходского управления⁶. В каждом графстве было несколько мировых судей, действовавших либо автономно, либо вместе в малых и специальных заседаниях (*petty and special sessions*). На них каждый год из числа жителей определенной местности назначались старшие и младшие констебли, которые приводили в исполнение в округах и приходах предписания и приговоры мировых судей.

Объем обязанностей и ответственности мировых судей и констеблей постоянно возрастал, достигнув уровня юрисдикции, охватывающей фактически все аспекты местного самоуправления. «Охрана закона и порядка могла привести к встречному судебному иску, особенно если магистраты, поддавшись панике, прибегали к помощи военных для разрешения локальных конфликтов или давали разрешение открыть огонь без уважительной причины. Мировые судьи ходили по острию бритвы: превышение власти грозило осуждением за причиненный урон, излишняя же мягкость — обвинением в некомпетентности»⁷. Мнение местных жителей порой было важнее, чем следование букве закона, и потому констебли буквально оказывались между двух огней. Состоятельные собственники требовали неукоснительного поддержания общественного порядка, бедняки же активно сопротивлялись вмешательству констеблей. Ситуация осложнялась еще и тем, что полномочия магистратов были достаточно жестко ограничены территорией прихода или графства, что обуславливало соперничество и не позволяло координировать действия, если этого требовала необходимость. Неслучайно в XVIII в. распространяется практика делегирования функций констебля в том случае, если гражданин не хотел самостоятельно исполнять возложенную на него обязанность, что свидетельствовало о тенденции к профессионализации полицейских функций.

Правительство не субсидировало институт мировых судей, хотя они имели право взимать небольшую плату за свои услуги. В Вестминстерском статуте (1130 г.) требования к кандидатам на эти должности включали в себя: дворянское звание, мужской пол, законопослушность и добропорядочность⁸. «Для достижения звания (именно почетного звания) мирового судьи необходимо было принадлежать к местному джентри и получать в год не менее 100 фунтов стерлингов. Джентльмен, назначенный мировым судьей и желающий быть действительным членом мировой юстиции, был обязан предварительно получить в государственной канцелярии особое полномочие (*writ of dedimus potestatem*), без которого звание мирового судьи имело значение только почетного титула»⁹.

В XVIII в. усиливается функция магистратов как властной базы дворянства. Благородное происхождение должно было обуславливать экономическую независимость, поэтому традиционно считалось, что мировые судьи должны работать безвозмездно в силу почетного характера должности. Но в XVIII в. становилось все труднее найти крупных землевладельцев, хотевших стать мировыми судьями, учитывая объем дел, с которым им приходилось сталкиваться, и то, что они часто подвергались физическому, вербальному и юридическому насилию. И хотя общее количество мировых судей росло, реальная доля активной мировой юстиции не превышала и половины их численности.

Мировые судьи часто становились объектом едкой критики. Еще в правление Карла II английский поэт Самуэль Батлер нарисовал сатирический портрет, в котором воплотились худшие черты тех, чей профессиональный долг требовал неукоснительного соблюдения буквы закона во имя незыблемости социальных норм и гражданского правопорядка.

⁶ Колоколов Н.А. Мировая юстиция: вчера, сегодня, завтра // Вестник Московского университета МВД России. 2018. № 5. С. 132.

⁷ *McFlynn F.* Op. cit. P. 19.

⁸ Хрестоматия памятников феодального государства и права стран Европы / Под ред. академика В.М. Корецкого. М., 1961. С. 207–311.

⁹ Колоколов Н.А. Указ. соч. С. 132.

Ханжа, который много лет
Чинил под видом блага вред.
Вестминстер знает и Хиксхолл,
Как ловко он интриги плел.
Он вхож в правительственный круг,
Закону он и враг, и друг.
Он на расправу быстр и крут,
А несогласный шел под кнут.
Когда он присуждает штраф,
Неважно, прав ты, иль не прав.
За черствый хлеб и горький эль
Быстрее развязывай кошель!
Для тех же, кто презрел закон,
Он благодетель и патрон¹⁰.

Одной из самых неоднозначных фигур XVIII столетия был знаменитый Томас де Вейль, в 1729 г. вошедший в коллегия мировых судей Вестминстера и Мидлсекса и остававшийся там до самой смерти в 1746 г. Правительство, прекрасно осознавая стратегическую важность Вестминстера, следило за тем, чтобы в списки магистратов попадали только лояльные кандидаты, способные проводить правительственные решения и принимать необходимые меры, даже если они будут непопулярны среди населения.

Де Вейль получал солидное жалованье от казны: ему выплачивалась сумма 250 фт. ст. в год от казначейства. В 1738 г. он был назначен генеральным инспектором импорта и экспорта с доходом 600 фт. ст. в год. В течение 17 лет он был самым активным судьей в Лондоне, и хотя его часто обвиняли в коррупции, в том числе протекции борделей, Вейль никогда не был публично уличен в противозаконных действиях.

Когда де Вейль умер, правительству трудно было найти достойную кандидатуру, но в конце концов его место занял выдающийся драматург, публицист, один самых блестящих интеллектуалов эпохи Просвещения Генри Филдинг¹¹.

В октябре 1748 г. он вступил в должность мирового судьи в округе Вестминстер, а с 13 января 1749 — в Мидлсексе. Друзья Филдинга отнеслись к его назначению с изрядной долей скепсиса, и даже его недруги сочли необходимым выразить ему сочувствие. Думается, Филдинг отдавал отчет, какие соблазны таит его новая должность, а также и то, что его предшественники порядком дискредитировали ее. Отголоски этого можно встретить в «Дневнике путешествия в Лиссабон», написанном уже после того, как он передал свои полномочия брату: «Один из моих предшественников, помню, хвалился, что зарабатывал в своей должности 1000 фунтов в год; но как он это делал (если, впрочем, не врал) — это для меня тайна. Его (а ныне мой) секретарь говорил мне, что дел у меня столько, сколько до меня не бывало; я и сам знаю, что их было столько, сколько в силах провести человек. Горе в том, что оплата, если она и причитается, такая низкая и столько делается задаром, что, если бы у одного мирового судьи хватало дел, чтобы занять двадцать секретарей, ни сам он, ни они не зарабатывали бы много»¹².

¹⁰ Hudibras in three parts written in the times of the late wars by Samuel Butler, Esq. with annotation and glossary. Published by the Ex-Classics Project, 2009. P. 230. URL: <https://www.exclassics.com/hudibras/hudibras.pdf> (дата обращения: 25.07.2019). Перевод И.М. Эрлихсон.

¹¹ В 1740 г. Г. Филдинг закончил обучение в юридической школе в Среднем Темпле, получив квалификацию барристера и право адвокатской практики. См.: Васильева С., Эрлихсон И. Преступление и наказание в английской общественной мысли XVIII века. Очерки интеллектуальной истории. СПб., 2020. Рецензию на книгу см.: Соколов А.Б. Преступность и наказания в Англии XVIII века // Новая и новейшая история. 2021. № 1. С. 233–237.

¹² Филдинг Г. Дневник путешествия в Лиссабон // Филдинг Г. Избранные сочинения. М., 1989. С. 603.

Любые правовые явления и процессы, в том числе правонарушения, подвержены циклическим колебаниям, в которых обязательно наличествует фаза критического состояния. Одним из факторов, стимулирующих рост преступности в георгианскую эпоху, были войны: с их началом количество процессов по обвинению в кражах и разбоях в Олд-Бейли резко уменьшалось, тогда как окончание знаменовало увеличение числа уголовных преследований. Так, 1713, 1748, 1763, 1783 гг. были отмечены волнообразным ростом преступности и количества выносимых смертных приговоров. «Назначение Филдинга пришлось как раз на пиковую точку цикла роста преступности, и криминальный разгул на улицах Лондона стал катализатором его активности, не только на исполнительном, но и на законодательном уровне»¹³. Свою первостепенную задачу он видел в последовательной и бескомпромиссной борьбе с преступностью, тем более что в течение 1750 г. криминогенная обстановка на улицах Лондона ухудшилась. «В феврале 1750 г. газета "Penny Post" сообщала, что городские тюрьмы настолько переполнены, что заключенных приходится сковывать по двое, а то и по трое во избежание побега. Десятого числа того же месяца "General Advertiser" упоминала, что в течение недели более 40 грабителей, взломщиков, бродяг предстали перед судьей Филдингом.... Очевидно, что особняк на Боу-стрит был центром энергичной кампании против воров, убийц, разбойников с большой дороги, профессиональных игроков. ...Именно туда, как это следовало из регулярных объявлений в "General Advertiser", для опознания преступников приглашались пострадавшие, а также их слуги»¹⁴. В январе и июле 1750 г. Филдинг был избран председателем четвертных сессий в Вестминстере, а 9 октября «General Advertiser» анонсировала выход нового памфлета автора «Приключений Тома Джонса», где «будут рассмотрены некоторые причины участвовавших грабежей, недостатки законодательства, а также предложены методы для предотвращения роста этого зла в будущем»¹⁵. О своевременности памфлета свидетельствовала речь Георга II, который, открывая сессию парламента 17 января 1751 г., призвал депутатов искоренить надругательства над жизнями и собственностью его подданных.

Трактат «Исследование причин участвовавших преступлений» с посвящением лорду-канцлеру Филипу Хардику был опубликован в январе 1751 г. Целью «Исследования» Филдинг декларировал укрепление государства, улучшение нравов и блага народов. По мнению судьи, ситуация дошла до критической черты, когда следовало положить конец этому «дерзкому и нахальному злу», угрожающему не только жизням и собственности, но и системе национального правосудия и законам. Преступность выросла до таких масштабов, что приняла организованный характер. «Преступники сколачивали банды, содержали казну, у них специально обученные люди, которые, переодевшись, смешиваются с компаниями добропорядочных граждан. Они преуспели в искусстве обмана, воровства, грабежа, они в совершенстве овладели бесчисленными уловками, позволяющими обходить законы. Они подкупают свидетелей и обвинителей, а иногда и тех, кто должен стоять на страже правосудия»¹⁶.

Показательно, что Филдинг, объясняя, почему обратился к столь низкой теме, во-первых, использует категорию «здоровье государства» как метафору для отражения процессов общественной жизни: «Небывалый рост преступности в последние годы заслуживает некоторого внимания, хотя он не дошел до возможного пика. Болезни естественного и политического тела редко достигают кризисной точки,

¹³ Эрлихсон И.М. Генри Филдинг и специфика историко-правового сознания в контексте преобразований английской уголовно-исполнительной системы XVIII столетия // *Imagines Mundi: Альманах исследований всеобщей истории XVI–XX вв.* 2019. Т. 10. № 5. С. 77.

¹⁴ Godden M.G. Henry Fielding. A memoir including newly discovered letters and records with illustrations from contemporary prints. London, 1910. P. 218–219.

¹⁵ Ibid. P. 221.

¹⁶ Fielding H. An enquiry into the causes of the late increase of robbers, etc. with some proposals for remedying this growing evil in which the present reigning vices are impartially disposed. London, 1751. P. 4.

особенно если они питаются недостатками конституции»¹⁷. Легитимирующая сила полиции, по его мнению, проистекала из сочетания интересов души индивидуума и здоровья государства.

Во-вторых, он оперирует понятием «общее благо» (public utility) и подчеркивает, что просто «одно намерение послужить обществу заслуживает похвалы, даже если результат не оправдает ожиданий»¹⁸. Хотя до выхода «Введения в основание нравственности и законодательства» И. Бентама оставалось более 40 лет, фактически данное утверждение отражает один из постулатов утилитаризма: «полезность, возможность быть средством решения какой-либо задачи — самый значимый критерий оценки всех явлений»¹⁹. На наш взгляд, представляется вполне справедливым мнение, что «Филдинг был прагматиком и хотел изменить общественные устои. Больше, чем другие писатели его эпохи, он подвергал нападкам лицемерие тех, кто молился, но ничего не делал... Филдинг был одним из новых англичан, поэтому, встречаясь с научной или общественной проблемой, он верил в то, что необходимо действовать»²⁰.

Филдинг сетует на тотальное расслабление правительства, которое не желает оценить масштаб нависшей над ним угрозы: «Сказать прямо, главный замысел данного труда — пробудить гражданскую власть от летаргического сна... Доколе в нашем королевстве будут править бал преступники? Они объединяются в многочисленные банды, открыто насмехаясь над законами. Дело доходит до того, что офицер, имея на руках ордер на задержание, не смеет предъявить его, так как на крик негодяя моментально сбегутся 20 или 30 молодчиков, вооруженных до зубов и готовых прийти на выручку своему подельнику»²¹.

По мнению Филдинга, безнаказанность, а следовательно, беспримерная дерзость преступников, коренится в юридической безграмотности населения и недостатке гражданской сознательности. Дж. Стивен оценивал уголовное право конца XVII—XVIII в. как «устарелую, нескладную, систему узаконений», не отвечающую целям и требованиям практики. «В течение 120 лет уголовное право было беспрестанно дополняемо все новыми и новыми уголовными статутами. Вследствие накопления этих статутов, издаваемых без всякой связи между собою, без всякого порядка с целью противодействовать учащению известных правонарушений, которые стали по какой-нибудь причине обращать на себя общественное внимание, законы до того перепутались, что их никто не знал, не исключая самих юристов. Зло усиливалось еще и от необходимости судебного толкования многих статей статутов; судебные приговоры, толкующие законы, пользуясь авторитетом, становились вспомогательным правом, имеющим обязательную силу»²². По общему праву, любое частное лицо, не облеченное должностными полномочиями, без ордера могло задержать человека, совершившего фелонию, прибегнув к мерам физического воздействия. Более того, клич «держи вора!» налагал обязанность на присутствовавших при этом принять участие в задержании преступника. «Но нет страны, — возмущается Филдинг, — где бы преобладала вульгарная максима, гласящая, что “общее дело — ничье дело”, где большинство людей пестуют свою гражданскую добродетель сознанием того, что они не совершают преступления, довольствуясь только этим»²³.

¹⁷ Ibid. P. 1.

¹⁸ Ibidem.

¹⁹ Остроумов Н.В., Соловьев С.А., Фомичев М.Н. Правовые идеи утилитаризма в контексте экономической жизни Великобритании XIX века // Юридическая наука. История и современность. 2015. № 7. С. 167.

²⁰ См.: Уткина О.Л. Добродетель — центральная тема произведений Г. Филдинга // Наука и образование: проблемы и перспективы: материалы междунар. (заочной) науч.-практ. конф. / Под ред. А.И. Вострцова. Прага, 2016. С. 129—133.

²¹ Fielding H. Op. cit. P. 145.

²² Уголовное право Англии в кратком очертании. Сочинение Дж. Фиц—Дж. Стифена / Пер. В. Спасовича. СПб., 1865. С. 85.

²³ Fielding H. Op. cit. P. 158.

Правительство пошло по пути материального поощрения гражданской сознательности населения: парламентский акт 1693 г.²⁴ устанавливал награду в 40 фт. ст. за поимку преступника в случае вынесения ему обвинительного приговора. Институт ворововства — один из самых спорных и неоднозначных явлений в истории английского уголовного сыска²⁵, но в ракурсе рассматриваемой проблематики нас интересует исключительно взгляд Филдинга на его функциональность в качестве механизма противодействия преступности. В середине XVIII в. в Лондоне действовало около 30–40 воровов, преимущественно людей, в прошлом профессионально контактировавших с преступным миром. Как правило, их карьера начиналась с должности констебля, которая предполагала посещение и обыски домов с дурной славой, или тюремного надзирателя. Следовательно, у воровов была великолепная возможность познакомиться с худшими представителями человечества, и потому они могли безошибочно отличить преступника, какую бы маску он ни выбрал для маскировки — благородного джентльмена, добропорядочного буржуа или честного ремесленника. Еще один нюанс: суды часто привлекали преступников как свидетелей, сдав своих сообщников, они немедленно возвращались к прежнему ремеслу. Воровы были хорошо знакомы с подобного рода публикой, что играло им на руку, так как вероятность того, что на следующей сессии бывший свидетель станет главным обвиняемым, была довольно высока.

Фактически позиция писателя относительного феномена ворововства в условиях описываемого периода была исторически оправданной: слияние частного интереса и необходимости решения общественной задачи с учетом человеческого фактора было достаточно эффективным. Эта точка зрения была логически продолжена Джоном Филдингом (1721–1780), в 1754 г. сменившим брата на посту мирового судьи Вестминстера и Мидлсекса. В трактате «План по предотвращению грабежей в двадцати милях от Лондона» (1753 г.) он подчеркивал, что «истинный воров должен быть слугой общества, получающим справедливое вознаграждение за свои труды, и если кто-то из их числа совершит акт несправедливости и произвола, он будет немедленно решением магистрата исключен из числа воровов»²⁶.

Объектом критики Г. Филдинга стала английская система судопроизводства, чья специфика была фактором, снижающим эффективность правосудия и генерирующим постоянный рост преступности. В описываемый период система правосудия опиралась на механизмы частного обвинения, и хотя обязанности по розыску и аресту преступников лежали на констеблях, а ордер выдавался мировым судьей, на практике жертвам преступления приходилось финансово стимулировать представителей власти, чтобы те осуществляли свои прямые полномочия.

Поиск и отбор свидетелей, доставка их в город, где проходили ассизы, содержание свидетелей были сопряжены со значительными издержками. Часто на обвинителях лежало такое бремя, которое они не могли нести по причине либо необразованности, либо бедности, о чем Филдингу с его солидным адвокатским стажем было известно не понаслышке: «Если сложить расходы и издержки от потерянного времени, то сумма окажется настолько внушительной, что несчастный потерпевший явит собой сказочный образец гражданской добродетели, если предпочтет инициировать процесс, а не скрыть факт преступления и смириться с убытками, дабы многократно их не преумножить»²⁷.

²⁴ The Highwaymen Act 1693 (4 & 5 Wm & Mary). URL: <https://www.british-history.ac.uk/statutes-realm/vol6/pp390-391> (дата обращения: 23.01.2020).

²⁵ Подробный историографический анализ данной проблемы представлен в статье: *McElwain W.* The Necessary Evil of the Eighteenth-Century English Thief-Taker // *Tulane History Journal*. Sept. 2011. URL: https://tulanehistoryjournal.files.wordpress.com/2011/09/mcelwain_thethieftaker2.pdf (дата обращения: 18.04.2018).

²⁶ *Fielding J.* A plan for preventing robberies within twenty miles of London with an account of the rise and establishment of real thief-takers. London, 1753. P. 10.

²⁷ *Fielding H.* Op. cit. P. 170.

Г. Филдинг предлагал возложить судебные расходы полностью на графство, правда не конкретизировал, за счет чего будут аккумулироваться необходимые средства. Но в рамках системы английского судопроизводства, где общество априори не играло роль истца, задача была трудноисполнимой. В середине XIX в. Дж. Стивен называл несбыточным план, предполагающий установить чиновника, который бы занимался расследованием и сбором доказательств, а также постоянных коронных адвокатов для ведения обвинения или возложить эту обязанность на констеблей графства или города. С 1752 г. государство финансово поддерживало истцов, желающих отстаивать свои права в суде, но поддержка была весьма скромной. Потому компенсаторные механизмы могли быть созданы только посредством частной инициативы заинтересованных собственников, защищающих свое имущество. Первое общество для привлечения правонарушителей к ответственности появилось в 1744 г., в его состав входил 21 человек, а со второй половины XVIII в. в связи с ростом преступности начинается бум создания подобных обществ.

Данные о точном количестве обществ для привлечения правонарушителей варьируются, но разные источники приводят информацию, что в XIX в. функционировало от 500 до 4000 обществ²⁸. Деятельность обществ была вполне созвучна духу Просвещения, для которого объединение личного эгоистического интереса и добродетели в «естественный порядок вещей» было одним из главных моральных постулатов.

Показательно, что Г. Филдинг, исследуя, казалось, чисто юридическую проблему, уделил внимание нравственно-этическому аспекту. Он явно оседлал любимого конька, так как понятие «доброе сердце» (*good nature*, буквально «добрая природа») являлось основой его этической концепции, прослеживаемой в романах, стихах, эссеистике. «Добросердечие, которое призывает людей сочувствовать несчастиям других и не позволяет вовлекать их в бедствия и неприятности даже ради собственного блага, из всех присущих человеку черт, несомненно, самое достойное. Человеколюбие и милосердие — единственные из человеческих страстей, сами по себе являющиеся абсолютным благом как для отдельного человека, так и для общества»²⁹.

Хотя Г. Филдинг считал «доброе сердце» свойством темперамента, данным человеку от природы, по верному утверждению М. Баттестина, «его концепцию следует отличать от расплывчатого сентиментализма, к которому деградировала этика разумного эгоизма... Поскольку это была прежде всего социальная добродетель, “добрая природа” Филдинга, как и Аддисона, включала также и разум, дополняя чувство жалости трезвым рассуждением о ее предмете»³⁰. В силу того, что довольно значительную часть любого сообщества составляют мошенники и негодяи, он рекомендует добросердечным людям быть бдительными, укрощать пылкость своего сердца, а главное, выбирать правильные объекты для этой страсти. «Недостаток этой мудрости способствует тому, что доброе сердце приводит его обладателя к ошибкам, болезненным для него и пагубным для общества. Если человек добр, он должен понимать, что его основной долг — это долг стране, для безопасности которой установлены законы, следовательно, его обязанность вносить посильный вклад в их исполнение»³¹.

Добросердечие по отношению к правонарушителям сродни желанию спасти волков из овечьего стада, что является не только глупостью, но и чистым варварством. Чтобы сделать добрых людей умнее, Филдинг предлагает им поразмыслить над списком отвратительных деяний, которые совершают преступники, объявляющие войну чужой

²⁸ См.: *Гурина А.Л.* Полицейская деятельность в Великобритании до создания полиции: середина XVIII—XIX в. // Вестник Орловского государственного университета. Серия: новые гуманитарные исследования. 2015. № 5 (46). С. 35.

²⁹ *Fielding H.* Op. cit. P. 165–166.

³⁰ Цит. по: *Зыкова Е.П.* Генри Филдинг как моралист // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2011. Т. 70. № 5. С. 12.

³¹ *Fielding H.* Op. cit. P. 167–168.

собственности и наслаждающиеся ужасом беспомощных жертв, коих они калечат и убивают без уважения к возрасту, полу и статусу: «Представьте эту картину, и вы сразу поймете, кто именно из участников этого чудовищного спектакля заслуживает сочувствия»³². Еще опаснее безрассудное добросердечие мировых судей, помноженное на страшный простор, предоставляемый их усмотрению в вынесении решений. «Путаница, происходящая от этой чрезмерной, хотя и не на всех простирающейся строгости в наказании обыкновенных и более тяжких преступлений, и широкий произвол, предоставленный судьям в отношении к мисдеминорам, усилились еще в течение XVIII столетия от чрезвычайного умножения уголовных статутов. Законы Англии представляют великое разнообразие наказаний, которые, однако, не сообразуются с постепенностью или оттенками в вине, но имеют характер произвола или чистой прихоти»³³. Филдинг настаивает: магистрат должен уметь контролировать страсти, разделять личное и профессиональное, так как природа вызывает к мягкости, а закон — к твердости. «Великий Макиавелли утверждал, что суровость не только выгодна, но и необходима, потому как прощение, даруемое одному, подобно слабому звену в цепи правосудия воодушевляет больше, чем пугают 20 приведенных в исполнение приговоров»³⁴.

Высшим же проявлением опрометчивого «добросердечия» является практика королевского помилования, по ироничному замечанию Филдинга, являющаяся излюбленной прерогативой Его Величества, быющей по карману Его подданных. «В Лондоне рекордер докладывал королю в совете после каждой сессии о лицах, приговариваемых к смертной казни, король лично принимал участие в рассмотрении доклада и решал, кто из приговоренных должен быть наказан смертной казнью, а кто нет»³⁵. По мнению Филдинга, подобная практика сводит на нет смысл уголовного законодательства, призванного сеять семена ужаса в сердцах силой примера. И таким примером, вопреки устоявшейся традиции, должны стать не публичные казни, а оперативное, конфиденциальное и торжественное отправление правосудия. Существующую же практику Филдинг характеризует как «позор на глазах всего христианского мира», так как нарушаются три вышеупомянутых базовых принципа: оперативность, конфиденциальность, торжественность. Первое необходимо для поддержания в человеческом сознании неразрывной связи между преступлением и наказанием: «исполнение приговора должно осуществляться как можно скорее, чтобы жалость к преступнику утонула в отвращении к его омерзительным деяниям, в противном случае в человеческих сердцах невольно пробуждается жалость к тому, кто принимает смерть с дерзостью и бравадой»³⁶.

Филдинг предлагал соорудить во дворе Олд-Бейли виселицу и исполнять приговоры немедленно в присутствии судей: «Я оставляю вам решать, что произведет большее впечатление: “судный день” в Олд-Бейли или разнузданная тайбернская вакханалия?»³⁷. Замысел тех, кто некогда задумал объединить понятие стыда и смерти, не оправдался, и «день, который должен покрыть преступника позором, превращается для него в момент славы, а триумфальное шествие в Тайберн вызывает сочувствие у кротких сердцем и восторг у дерзких духом»³⁸. Потому предполагаемая «дидактическая» сила отвратительных спектаклей, связанных с публичными казнями, не предотвращает преступления, а, напротив, генерирует их.

Несомненно, «Исследование» — это глубокий общественный трактат, где содержались конкретные и конструктивные идеи по комплексу проблем, связанных с организованной

³² Ibid. P. 168.

³³ Уголовное право Англии... С. 94.

³⁴ Fielding H. Op. cit. P. 185.

³⁵ Уголовное право Англии... С. 95–96.

³⁶ Fielding H. Op. cit. P. 192.

³⁷ Ibid. P. 196.

³⁸ Ibid. P. 180.

преступностью в столице и методами борьбы с ней. Филдинг изложил свое видение причин роста преступности, и если некоторые он считал устранимыми, то в отношении других был настроен менее оптимистично в силу знакомства с практической стороной дела. Он досконально проанализировал ключевые недостатки английской уголовной юстиции:

1. Возбуждение обвинения есть акт свободного волеизъявления потерпевшего.
2. Дороговизна уголовного преследования.
3. Неуместная снисходительность и необъективность присяжных и судей.
4. Избирательная жестокость наказания и его несоответствие принципам определенности, соразмерности и неотвратимости.

Биограф Г. Филдинга П. Роджерс не без оснований полагает, что ему удалось в отличие от многих сочетать высокие нравственные упования с деловым учетом реальных возможностей. «Есть основания думать, что — помимо закона о спиртном — и другие акты создавались под влиянием его трактата. Особенно это очевидно в связи с “Актом о предотвращении ужасного преступления — убийства”, принятым в парламенте в 1752 г., а также в связи с предшествовавшим ему законом “О непотребных домах”. Другие законопроекты, озабоченные положением беднейших слоев населения и требовавшие усовершенствования работных домов, не прошли в парламенте из-за организованной оппозиции, но все они были вдохновлены Филдингом»³⁹.

Центральная идея трактата Г. Филдинга, что без безопасности не может быть свободы, необходимой для счастливой и продуктивной жизни. Эта идея утвердилась еще в XVII в., а в XVIII в., как пишет Г. Берчелл, свобода и безопасность практически превращаются в синонимы⁴⁰. Свобода, по мысли Филдинга, зиждется на обладании собственностью, причем собственность понимается не только как имущество: это и предметы, принадлежащие тебе, и некоторая моральная добродетель, верность, соответствие самому себе. С точки зрения неореспубликанской парадигмы, в рамках которой свобода определялась с точки зрения независимости от господства, конец безопасности и порядка, базовых условий верховенства закона, неизбежно ведет к краху свободы, а, следовательно, системы.

Кому отдавал приоритет Филдинг — правам человека как личности или воле государственных учреждений? Чтобы постичь полный смысл аргументов писателя необходимо оценить его концепцию свободы и того, как преступность может угрожать ей. Филдинг опирался на давние традиции неоклассических политических аргументов, связывающих здоровье государства с его свободой. В целом, анализируемая через призму взглядов римских моралистов и историков свобода была определена не просто как свобода от вмешательства, но и как свобода от зависимости и доминирования. Никто не мог почувствовать себя свободным, если его действия имели возможность быть управляемыми деспотичной волей кого-либо еще, хотя бы даже это вмешательство на самом деле никогда не имело бы места.

Аргументом здесь является то, что состояние порабощения, противоположное свободе, с позиции неоримской традиции⁴¹ может с легкостью происходить равно от нападения преступных элементов и регулярной армии, бывшей популярной целью оппозиции. Угроза гнета и, как следствие, страх быть ограбленным или убитым были, с точки зрения свободы от господства, весомым уменьшением состояния свободы. Покуда правительство было неспособно справиться с растущей угрозой преступности, общество жило бы в состоянии угнетения из-за постоянной угрозы насилия.

³⁹ Роджерс П. Генри Филдинг. Биография. М., 1984. С. 116–117.

⁴⁰ Burchell G. Peculiar interest: civil society and governing “the system of natural liberty” // The Foucault effect: studies in govern mentality: with two lectures by and an interview with M. Foucault / Eds G. Burchell, C. Gordon, P. Miller. Chicago, 2001. P. 139.

⁴¹ О неоримской теории в Англии в эпоху Нового времени см.: Скиннер К. Свобода до либерализма. СПб., 2006.

Чтобы доказать, что политики должны вмешиваться в проблемы преступности, Филдинг приводит многочисленные доказательства того, что распространение пороков и зла в низших сословиях угрожает дестабилизации конституции, которая в свою очередь являлась гарантом свободы. Концептуальной основой его аргументации было утверждение, что конституция не статична по своей природе, как многие могут представить, а наоборот, изменчива, как английский климат. Учитывая, что нравы и образ жизни населения были частью конституции, следовательно, если они менялись, она (конституция) также подлежала изменениям, и здесь, так же как в физическом теле, болезнь в одной его части немедленно влияла на состояние всего организма в целом.

Меняющиеся экономические реалии с течением времени переплавлялись в новую политико-правовую практику жизни: рост рыночного общества создавал угрозу свободе, меняя нравы «низших классов». Преступность была неразрывно связана с праздностью и нищетой, потому наряду с государственной деятельностью по обнаружению преступлений проблема могла быть решена за счет усиления контроля над бедными с помощью уголовно-правовых механизмов, совершенствования законодательства о бедности и бродяжничестве, административных мер и благотворительности.

Делая ставку на официальную систему уголовной юстиции, основанную на принципах оперативности расследования и неотвратимости наказания, Г. Филдинг фокусировал внимание на идее предупреждения (превенции) преступления. «Филдинги лелеяли идею о создании превентивной полиции, которая обладала бы механизмами и упорядоченными знаниями для того, чтобы осуществлять широчайший надзор за теми слоями населения, которые представляли наибольшую опасность для общества»⁴².

Безусловно, Томас де Вейль, начавший вести свои судебные дела из офиса сначала на Лестер-сквер, а затем на Боу-стрит, заложил основы для стратегического курса, продолженного Генри и Джоном Филдингами. Особняк на Боу-стрит с 1739 г. превратился в центр уголовных расследований, оставаясь в этом качестве более века. «Городские олдермены не возлагали функцию уголовного розыска на магистраты. Томас де Вейль и Филдинги реализовывали ее, поощряя нанятых ими констеблей из небольших правительственных субсидий, так что деятельность последних ассоциировалась именно с Боу-стрит»⁴³.

Оценки деятельности Генри Филдинга на должности мирового судьи Вестминстера и Мидлсекса варьируются от патетического восхищения его гражданскими и личными добродетелями до более трезвой констатации, что великий писатель вполне коррелировал с духом времени, а это не всегда требовало от человека идейной принципиальности. Лавры «отца» английской полиции традиционно отдают Джону Филдингу. Это справедливо, так как он был выдающимся социальным реформатором, внесшим огромный вклад в укрепление гражданского правопорядка и борьбу с криминальными элементами. Он создал первые вооруженные отряды для патрулирования лондонских улиц, первым начал печатать в газетах приметы находящихся в розыске преступников и устраивать опознания и очные ставки.

Но бесспорно и то, что именно Генри Филдинг фактически заложил теоретически-концептуальные основы британской правоохранительной практики, реализуемой Джоном Филдингом на протяжении следующих десятилетий. Великий романист уловил тенденцию времени: состоятельные слои общества осознали необходимость пожертвовать частью своей свободы ради безопасности не в абстрактно-философском, а в сугубо прагматичном смысле: неприкосновенность жилища и сохранность движимого имущества вкупе со стремлением оградить себя от маргинальных групп.

⁴² *Гуриная А.Л.* Полицейская деятельность в Великобритании до создания полиции: середина XVIII–XIX в. С. 34.

⁴³ *Beattie J.M.* Policing and Punishment in London, 1660–1750. Urban crimes and the limits of terror. Oxford, 2001. P. 420.

Генри и Джон Филдинг ратовали за то, чтобы полицейская деятельность была технической, бюрократической, аполитичной и экспертной. Население не должно быть допущено к непосредственному осуществлению полицейских функций, не обладая специализированными знаниями и навыками, но гражданская инициатива есть залог успеха профессиональной деятельности по обнаружению преступлений. «Я осознаю, что нет власти, которая бы обязывала граждан действовать определенным образом, но убежден, что если они положат на весы свою репутацию и личный интерес, они все же сделают то, что закон предписывает каждому индивиду для общего блага», — писал Дж. Филдинг, мотивируя сотрудничество не принуждением, а гражданской сознательностью⁴⁴.

Следовательно, население выступает не объектом управления, а полноценным партнером государства, от лица которого осуществляется правоохранительная деятельность. Существование полиции обусловлено доверием общественности и ее добровольным участием в добровольном соблюдении закона. Это коренное отличие британской модели «policing by consent» (охрана правопорядка по согласию) от континентальной, что было закреплено в разработанных Робертом Пилем девяти принципах, ставших идеологической основой Акта о столичной полиции 1829 г.

Библиография

Гуриная А.Л. Полицейская деятельность в Великобритании до создания полиции: ранее средневековые — XVIII век // Вестник Орловского государственного университета. Серия: новые гуманитарные исследования. 2015. № 6 (47). С. 14–20.

Гуриная А.Л. Полицейская деятельность в Великобритании до создания полиции: середина XVIII–XIX в. // Вестник Орловского государственного университета. Серия: новые гуманитарные исследования. 2015. № 5 (46). С. 32–38.

Зыкова Е.П. Генри Филдинг как моралист // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2011. Том 70. № 5. С. 3–17.

Колоколов Н.А. Мировая юстиция: вчера, сегодня, завтра // Вестник Московского университета МВД России. 2018. № 5. С. 131–134.

Остроумов Н.В., Соловьев С.А., Фомичев М.Н. Правовые идеи утилитаризма в контексте экономической жизни Великобритании XIX века // Юридическая наука. История и современность. 2015. № 7. С. 165–172.

Роджерс П. Генри Филдинг. Биография. М., 1984.

Сарапкина Е.Н. Законодательное регулирование деятельности милиции в Англии в середине XVII века // Вестник Академии экономической безопасности МВД России. 2010. № 4. С. 112–114.

Скиннер К. Свобода до либерализма. СПб., 2006.

Соколов А.Б. Преступность и наказания в Англии XVIII века // Новая и новейшая история. 2021. № 1. С. 233–237.

Станков К.Н. Военные реформы английского короля Якова II Стюарта // Вести Волгоградского государственного университета. Серия 4: история. 2010. № 1. С. 103–108.

Уголовное право Англии в кратком очерчении. Сочинение Дж. Фиц-Дж. Стифена / Пер. В. Спасовича. СПб., 1865.

Уткина О.Л. Добродетель — центральная тема произведений Г. Филдинга // Наука и образование: проблемы и перспективы: материалы международной (заочной) науч.-практ. конф. / Под ред. А.И. Вострцова. Прага, 2016. С. 129–133.

Филдинг Г. Дневник путешествия в Лиссабон // Филдинг Г. Избранные сочинения. М., 1989. С. 571–652.

Хрестоматия памятников феодального государства и права стран Европы / Под ред. академика В.М. Корещкого. М., 1961.

Эрлихсон И.М. Генри Филдинг и специфика историко-правового сознания в контексте преобразований английской уголовно-исполнительной системы XVIII столетия // Imagines Mundi: Альманах исследований всеобщей истории XVI–XX вв. 2019. Т. 10. № 5. С. 75–84.

An Act for ordering the Forces in the several Counties of this Kingdom. 1662. 14 Car. II. P. 3. URL: <https://www.british-history.ac.uk/statutes-realm/vol5/pp358-364> (дата обращения: 16.02.2020).

⁴⁴ Fielding J. Op. cit. P. 14.

Beattie J.M. Policing and Punishment in London, 1660–1750. Urban crimes and the limits of terror. Oxford, 2001.

Burchell G. Peculiar interest: civil society and governing “the system of natural liberty” // The Foucault effect: studies in govern mentality: with two lectures by and an interview with M. Foucault / Eds G. Burchell, C. Gordon, P. Miller. Chicago, 2001. P. 119–151.

Fielding H. An enquiry into the causes of the late increase of robbers, etc.. with some proposals for remedying this growing evil in which the present reigning vices are impartially disposed. London, 1751.

Fielding J. A plan for preventing robberies within twenty miles of London with an account of the rise and establishment of real thieftakers. London, 1753.

Godden M.G. Henry Fielding. A memoir including newly discovered letters and records with illustrations from contemporary prints. London, 1910. P. 218–219.

Hudibras in three parts written in the times of the late wars by Samuel Butler, Esq. with annotation and glossary. Published by the Ex-Classics Project, 2009. P. 230. URL: <https://www.exclassics.com/hudibras/hudibras.pdf> (дата обращения: 25.07.2019).

McElwain W. The Necessary Evil of the Eighteenth-Century English Thief-Taker // Tulane History Journal. Sept. 2011. URL: https://tulanehistoryjournal.files.wordpress.com/2011/09/mcelwain_thethief-taker2.pdf (дата обращения: 18.04.2018).

McFlynn F. Crime and punishment in 18th century England. Routledge, 1989.

The Highways Act 1693 (4 & 5 Wm & Mary). URL: <https://www.british-history.ac.uk/statutes-realm/vol6/pp390-391> (дата обращения: 23.01.2020).

References

Erlihson I.M. Genri Filding i specifika istoriko-pravovogo soznaniya v kontekste preobrazovaniy anglijskoj ugovolno-ispolnitel'noj sistemy XVIII stoletiya [The specifics of historical and legal consciousness in the context of the English penitentiary system transformation in the 18th century] // Images Mundi: Al'manah issledovaniy vseobshchej istorii XVI–XX vv. [Images Mundi: Almanac of General History research 18–19th centuries]. 2019. T. 10. № 5. P. 75–84. (In Russ.)

Fielding H. Dnevnik puteshestviya v Lissabon [Journal of a Voyage to Lisbon] // *Fielding H.* Izbrannye sochineniya [Selected works]. Moskva, 1989. (In Russ.)

Gurinskaya A.L. Policejskaya deyatel'nost' v Velikobritanii do sozdaniya policii: ranee srednevekov'e – XVIII vek [Police activity in the UK before the creation of the police: earlier the Middle Ages – 18th century] // Vestnik Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: novye gumanitarnye issledovaniya [Bulletin of the Oryol State University. New Humanitarian Studies Series]. 2015. № 6 (47). P. 14–20. (In Russ.)

Gurinskaya A.L. Policejskaya deyatel'nost' v Velikobritanii do sozdaniya policii: seredina XVIII–XIX v. [Police activity in the UK before the creation of the police: mid 18–19th centuries] // Vestnik Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: novye gumanitarnye issledovaniya [Bulletin of the Oryol State University. New Humanitarian Studies Series]. 2015. № 5 (46). P. 32–38. (In Russ.)

Kolokolov N.A. Mirovaya yusticiya: vchera, segodnya, zavtra [Peace Justice: Yesterday, Today, Tomorrow] // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii [Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia]. 2018. № 5. P. 131–134. (In Russ.)

Ostroumov N.V., Solov'ev S.A., Fomichev M.N. Pravovye idei utilitarizma v kontekste ekonomicheskoy zhizni Velikobritanii XIX veka [Legal ideas of utilitarianism in the context of the economic life of Great Britain in the 19th century] // Yuridicheskaya nauka. Istoriya i sovremennost' [Legal Science. History and modernity]. 2015. № 7. P. 165–172. (In Russ.)

Rogers P. Genri Filding. Biografiya [Henry Fielding. Biography]. Moskva, 1984. (In Russ.)

Sarapkina E.N. Zakonodatel'noe regulirovanie deyatel'nosti milicii v Anglii v seredine XVII veka [Legislative regulation of police in England in the middle of the 18th century] // Vestnik Akademii ekonomicheskoy bezopasnosti MVD Rossii [Bulletin of the Academy of Economic Security of the Ministry of Internal Affairs of Russia]. 2010. № 4. P. 112–114. (In Russ.)

Skinner K. Svoboda do liberalizma [Freedom before liberalism]. Sankt-Peterburg, 2006. (In Russ.)

Sokolov A.B. Prestupnost' i nakazaniya v Anglii XVIII veka [Crime and punishment in England of the 18th century] // Novaya i novejšaya istoriya [Modern and Contemporary History]. 2021. № 1. P. 233–237. (In Russ.)

Stankov K.N. Voenny'e reformy anglijskogo korolya Yakova II Styuarta [The English King James Stuart's the Second Military Reforms] // Vesti Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4: Istoriya [News of Volgograd State University. Series 4: History]. 2010. № 1. P. 103–108. (In Russ.)

Ugolovnoe pravo Anglii v kratkom ochertanii. Sochinenie Dzh. Fic-z-Dzh. Stifena [A History of the Criminal Law of England. Composition by J. Fitz-J. Stephen] / Perevod [Translated] V. Spasovich. Sankt-Peterburg, 1865. (In Russ.)

Utkina O.L. Dobrodetel' – central'naya tema proizvedenij G. Fildinga [Virtue is the central theme in the works of H. Fielding] // Nauka i obrazovanie: problemy i perspektivy: materialy Mezhdunarodnoj (zaочноj) nauchno-praktičeskoj konferenczii / Pod red. A.I. Vostreczova [Science and education: problems and prospects: materials International (correspondence) scientific and practical conference / Ed. A.I. Vostretsov]. Praga, 2016. P. 129–130. (In Russ.)

Vasiliev S., Erlichson I. Prestuplenie i nakazanie v anglijskoj obščestvennoj mysli XVIII veka. Očerki intellektual'noj istorii [Crime and Punishment in 18th century English Social Thought. Essays on Intellectual History]. Sankt-Peterburg, 2020. (In Russ.)

Xrestomatiya pamyatnikov feodal'nogo gosudarstva i prava stran Evropy / Pod red. V.M. Koreczkii [Anthology of European Feudal State and the Law Documents / Ed. V.M. Koreczkii]. Moskva, 1961. (In Russ.)

Zykova E.P. Genri Filding kak moralist [Henry Fielding as a moralist] // Izvestiya RAN. Seriya literatury i yazy'ka [News of the Russian Academy of Sciences. Series of literature and language]. 2011. Vol. 70. № 5. P. 3–17. (In Russ.)

An Act for ordering the Forces in the several Counties of this Kingdom. 1662. 14 Car. II. P. 3. URL: <https://www.british-history.ac.uk/statutes-realm/vol5/pp358-364> (access date: 16.02.2020).

Beattie J.M. Policing and Punishment in London, 1660–1750. Urban crimes and the limits of terror. Oxford, 2001.

Burchell G. Peculiar interest: civil society and governing 'the system of natural liberty' // The Foucault effect: studies in govern mentality: with two lectures by and an interview with M. Foucault / Eds G. Burchell, C. Gordon, P. Miller. Chicago, 2001. P. 119–151.

Fielding H. An enquiry into the causes of the late increase of robbers, etc.. with some proposals for remedying this growing evil in which the present reigning vices are impartially disposed. London, 1751.

Fielding J. A plan for preventing robberies within twenty miles of London with an account of the rise and establishment of real thieftakers. London, 1753.

Godden M.G. Henry Fielding. A memoir including newly discovered letters and records with illustrations from contemporary prints. London, 1910.

Hudibras in three parts written in the times of the late wars by Samuel Butler, Esq. with annotation and glossary. Published by the Ex-Classics Project, 2009. P. 230. URL: <https://www.exclassics.com/hudibras/hudibras.pdf> (access date: 25.07.2019).

McElwain W. The Necessary Evil of the Eighteenth-Century English Thief-Taker // Tulane History Journal. Sept. 2011. URL: https://tulanehistoryjournal.files.wordpress.com/2011/09/mcelwain_thethief-taker2.pdf (access date: 18.04.2018).

McFlynn F. Crime and punishment in 18th century England. Routledge, 1989.

The Highwaymen Act 1693 (4 & 5 Wm & Mary). URL: <https://www.british-history.ac.uk/statutes-realm/vol6/pp390-391> (access date: 23.01.2020).